

The background is an abstract composition. The upper half features a white rectangular area containing the title text. Below this, the background is filled with a dense pattern of overlapping, translucent, organic shapes in various shades of red, pink, and magenta. These shapes resemble cells or fluid droplets. Interspersed among these shapes are faint, dark silhouettes of human figures in various poses, some appearing to be walking or standing. The overall effect is a complex, layered visual texture.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

КИТАЕЦ

Литрес ≡

Марина Ивановна Цветаева
Китаец
Серия «Автобиографическая проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175895

Марина Цветаева. Проза: Эксмо-Пресс; Москва;

ISBN 5-04-008397-1, 5-04-008265-7

Аннотация

«Вся моя проза – автобиографическая», – писала Цветаева. И еще: «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур, соблаговоливший (или вынужденный) предстать среди нас – человеком». Написанное М.Цветаевой в прозе отмечено печатью лирического переживания большого поэта.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Марина Цветаева

Китаец

Почему я так люблю иностранцев, всех без разбору, даже подозрительных арабов и заносчивых поляков, не говоря уже о родных по крови юго-славянах, по соседству и воспитанию – немцев, по нраву и громовому *p* – итальянцев, не будем перечислять, – всех, без разбору? Почему сердце и рот расширяются в улыбку, когда на рынке слышу французскую речь с акцентом, верней, один акцент с привеском французской речи? Почему, если мне даже не нужно капусты, непременно, магнетически, гипнотически беру у “метека” кочан и даже, вернувшись, второй, только чтобы еще раз услышать его чудовищное для французских ушей “мерррси”, с топором рубнувшим “мадам”, а иногда и просто: “До свидания, приходи опять”. Почему, при худшей капусте, для меня метеков лоток непреложно – лучше? Почему рука сама, через лоток, жмет арабову, арапову и еще не знаю чью – лапу? Почему, когда на рынке ловкий “камло”, сыпля словами и жестянками, превозносит французскую сардинку и поносит португальскую, я, оскорбленная, отхожу? Ведь не меня же ругали – при чем тут русские? Но ругая португальскую сардинку, меня, мою душу задела, и это она увела меня из круга туземцев более властно, чем ангел-хранитель за руку, или ажан – тоже за руку, хотя иначе.

Потому ли (так люблю иностранцев), что нам всем, чужакам, в Париже плохо? Нет, не потому. Во-первых, мне в Париже не плохо (не хуже, чем в любом месте, которого я не выбирала), во-вторых, моему рыночному другу-армянину, который молодых зовет “p’tite soeur”¹, а пожилых “p’tite mère”², и даже самую нарядную даму не зовет “Madame”, в Париже явно хорошо. Значит, дело не в плохости жизни, и любовь моя не “camaraderie de malheur”³.

А потому что каждому из нас кто-то, любой, пусть пьяный, пусть пятилетний, может в любую минуту крикнуть “метек”, а мы этого ему крикнуть – не можем. Потому что, на какой бы точке карты, кроме как на любой – нашей родины, мы бы ни стояли, мы на этой точке – и будь она целыми прериями – непрочны: нога непрочна, земля непрочна... Потому что малейшая искра – и на нас гнев обрушится, гнев, который всегда в запасе у народа, законный гнев обиды с неизменно и вопиюще несправедливыми разрядами. Потому что каждый из нас, пусть смутьян, пусть волк, – здесь – неизменно ягненок из крыловской басни, заведомо – виноватый в мутности ручья. Потому что из лодочки, из которой, в бурю, непременно нужно кого-нибудь выкинуть, – непременно, неповинно и, в конце концов, законно, будем выкинуты – мы. Потому что все мы, от африканца до гиперборейца,

¹ Сестрица (фр.)

² Мамаша (фр.)

³ Товарищество по несчастью (фр.)

camarades ne de malheur, а: de danger⁴. Потому что, если мы все под Богом, то на чужой земле еще и под людским гневом ходим. Гневом черни, одной – всегда, одним – всегда. Потому что стара вещь – вражда, и сильна вещь – вражда. Иностранца я люблю за то, что у него на всякий случай голова втянута в плечи, или – что то же и на тот же случай – слишком уж высоко занесена. Не “плохо живется”, а плохо может прийти. Мне скажут: “А у себя, в Москве?” Да, было дело, и не раз:

“Ишь, буржуйка, шляпу нацепила!” (Из глаз – ненавидящий *класс*.) – “А я зато в Москве родилась, а ты откуда взялся?” Ведь я, при всем моем превосходстве: стоянии *над* месторождением, отыгрывалась – им же! И этого довода “в Москве родилась”, этой почвы из-под ног у меня никто не вырвет, даже если я, как сейчас, от нее за тридевять земель и запретов. Убьют – не возьмут!

Я сказала: camarades de danger. И все же – нет. Родина, в иные часы, настолько опаснее чужбины, насколько опаснее возможного несчастного случая – верная смерть. Смерти бежа, – побежали многие беженцы. Camarades de danger, но не физического. Страх оскорбления, а не смерти, нам всем головы втягивает, и вызов невидимому оскорбителю иным из нас головы заносит. Оскорбления, на которое в *иностранцевом*

⁴ Товарищи не по несчастью, а по опасности (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.